

А. ГУРШТЕЙН

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ

ОГИЗ

Государственное издательство „Дер Эмес“
Москва 1946

А. ГУРШТЕЙН

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ

КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

ОГИЗ
Госиздательство «Дер Эмес»
Москва 1946

1916 — 1946

Редактор **А. Страшунская**

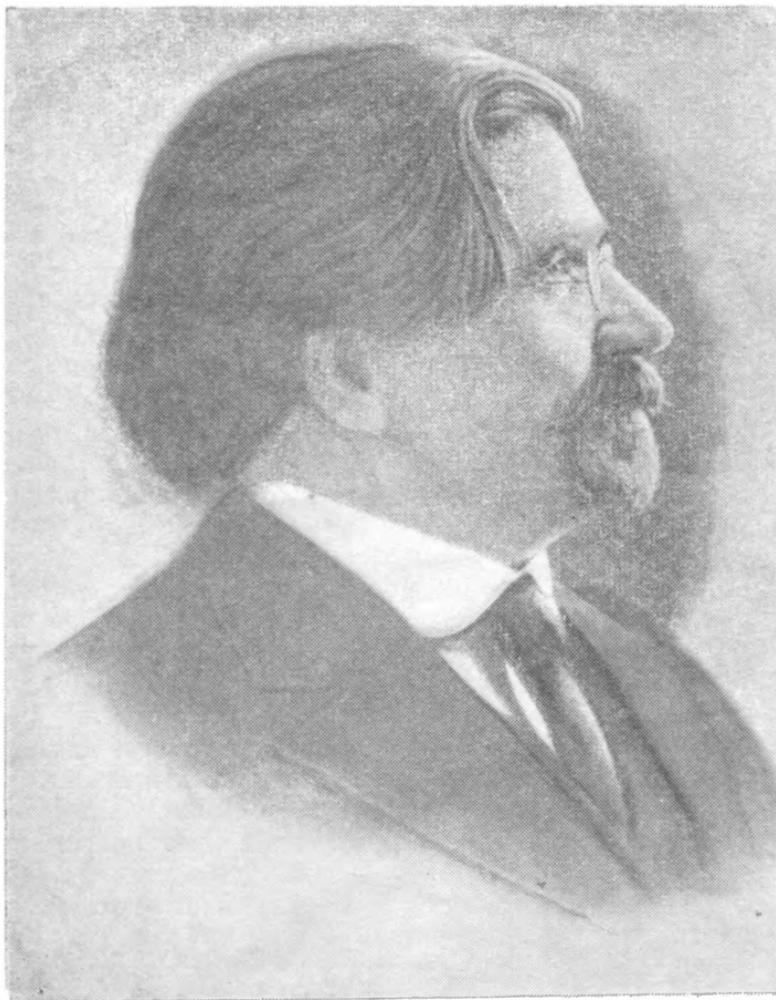
Техн. редактор **М. Погостер**

А 227 Сдано в производство 18/IV 1946 г. Подписано к печ. 6/V 1946 г.

Печ. л. 1 $\frac{1}{4}$ Уч. изд. л. 1,6 Формат бумаги 70×105 $\frac{1}{32}$ Знак. в п. л. 56,6 тис.

Тираж 100 000. Зак. 237

13-я тип. треста „Полиграфкнига“ ОГИЗа при Совете Министров РСФСР
Москва, Денисовский, 30.

(1859—1916)

Великий еврейский писатель Шолом-Алейхем (Шолом Рабинович) родился 2 марта 1859 года на Украине в Переяславле¹. Он прошел тяжелый жизненный путь.

О своих детских и юношеских годах Шолом-Алейхем рассказал в написанной уже в последние годы жизни замечательной книге «С ярмарки», которая является художественной автобиографией и дает в то же время широкую картину еврейской жизни того времени.

Ранние годы Шолом-Алейхем провел в небольшом местечке Полтавской губернии — Воронкове. Отец его принадлежал к местечковой знати. Семья была большая.

В Воронкове жили по-старинке, и обитатели местечка наивно полагали, что за околицей кончается вселенная. Шолом-Алейхем увековечил еврейское местечко, его быт и уклад под собирательным именем Касриловки и создал замечательные образы его обитателей, назвав их «маленькими людьми с маленькими желаниями».

Как водилось в старину, будущий писатель получил первоначальное воспитание в «хедере», начальной еврейской религиозной школе, где с помощью розог и ремня ребятам вколачивали в головы библейские рассказы и казуистику Талмуда. Хедер уводил далеко от реальной жизни в какие-то несуществующие фантастические миры и пугал детей ужасами загробной жизни. Дети просижи-

¹ Ныне — Переяславль-Хмельницкий.

вали за «учебой» целые дни, отвлекаясь лишь для того, чтобы помочь жене учителя ощипать курицу, вынести ушат с помоями, по очереди нянчить младенца.

Механическим изучением никому не нужных религиозных текстов, телесными наказаниями, проповедью страха божия, страшными рассказами о загробном мире хедер пытался умертвить все живое в детской душе. Но заложенная в ребенке жизненная сила, тяга к свету и радости брала свое. Маленького Шолома тянуло из затхлого хедера на простор, где над головой раскинулось глубокое синее небо, а под ногами — пестрый травяной ковер. В детском сознании запечатлевалась окружающая жизнь, его занимал весь несложный патриархальный быт еврейского местечка. Сквозь все искусственные преграды прорывалось детское безудержное веселье. Смех, здоровый детский смех заглушал благочестивые голоса невежественных учителей и воспитателей. Мальчик Шолом рос озорником и весельчаком. Старшие недоумевали, — откуда у еврейского ребенка столько радости и смеха. И чему тут, собственно, смеяться!

Из товарищей детства Шолом-Алейхему особенно запомнился сирота Шмулик, неутомимый рассказчик, знавший великое множество чудесных сказок о хрустальных дворцах и зарытых кладах. Его «сладостная, как мед» речь, населяя мир фантастическими образами, будоражила детское воображение. Шмулик рассказывал о несметных сокровищах, зарытых в горе, у подножья которой стояло местечко, и давал точные рецепты, как овладеть этими сокровищами. Но, зная сокровенные тайны кладов, Шмулик тем не менее жил впроголодь. Встречи со Шмуликом и другими детьми местечковой бедноты впервые заронили в душу маленького Шолома чувство протеста против существующего в мире неравенства, нищеты и голода.

Беззаботные годы детства скоро миновали. Отец Шолом-Алейхема обеднел. Пошатнувшиеся дела заставили его искать новое место жительства. Семья возвращается в Переяславль. Здесь отец Шолом-Алейхема, Нохум Рабинович, становится содержателем заезжего двора. Остатки семейных драгоценностей заложены у ростовщика. Зловещим призраком встает нужда.

А тут еще эпидемия холеры унесла в могилу мать, опору всей семьи. Шолому было тринадцать лет, когда в доме появилась злая мачеха. Шолом был вынужден помогать отцу в заезжем дворе — зазывать проезжих, подавать им самовар, быть у них на побегушках.

Вопрос о воспитании Шолома очень занимал его отца. Человек религиозный, он не был чужд светским наукам: его коснулись веяния нового времени, он был знаком с еврейской просветительной литературой (по-еврейски просветительство называлось «гаскала»).

Детство Шолом-Алейхема совпало с 60—70-ми годами прошлого столетия, когда старый патриархальный, казалась, окостеневший уклад еврейского местечка стал давать трещины. Вся страна, вступившая в пореформенный период, переживала сильнейшие изменения во всех областях жизни. Старые устои, на которых держалась крепостническая Россия, рухнули, все явственней и явственней стали вырисовываться очертания новых капиталистических отношений. Вместе с тем появилось широкое демократическое движение разночинной интеллигенции. Все эти новые веяния проникли и в еврейскую среду. В еврейском местечке все чаще появлялись новые люди, выступавшие против фанатизма и невежества, звавшие к просвещению, к новой жизни, к ломке старого быта.

В художественной автобиографии Шолом-Алейхема — целый ряд зарисовок этих новых людей, среди которых

Выделяется образ Арнольда из Переяславльского предместья. Это — новый тип еврейского интеллигента-просветителя, «разночинца» в еврейской среде: он знал русскую литературу, выступал против заправил еврейской общины, против невежд и фанатиков, против религиозных авторитетов и устаревших средневековых норм поведения, писал обличительные корреспонденции в губернскую газету.

Уступая советам и настояниям Арнольда, Нохум Рабинович послал своего сына учиться в русское уездное училище. Это был смелый и необычный шаг для еврейской среды того времени. Шолом, обладавший живым умом и стремлением к знанию, с жадностью набросился на учебу.

Царское училище, насаждавшее в своих воспитанниках послушание царю и власть имущим, все же научило Шолома русскому языку, открыв ему доступ к сокровищам великой русской литературы с ее идеями гуманизма и борьбы за освобождение.

В 1876 году Шолом Рабинович окончил курс уездного училища с отличием.

2

Самостоятельная жизнь Шолома Рабиновича началась довольно рано. Стесненное положение отца побуждало сына искать заработка. Еще на школьной скамье Шолом стал давать уроки. Окончив уездное училище, он уезжает на «кондицию», — поступает учителем к будущему своему тестю, богатому арендатору поместий Лоеву. Около трех лет проводит он в имении Лоева, и здесь между молодым учителем и его юной ученицей Ольгой Лоевой возникает и крепнет чувство дружбы, которое со временем перерастает в горячую взаимную любовь. Богатый арендатор, не плохо относившийся к учителю, — который

кстати вел и его обширную деловую переписку, — резко изменил свое отношение, как только узнал, что учитель, не имеющий ни гроша за душой, намеревается стать его зятем.

Проснувшись однажды утром, Шолом Рабинович с изумлением узнал, что никого нет дома. Его ждал пакет, в который были вложены причитающиеся ему деньги — и ни одного слова в объяснение столь странного происшествия. К подъезду помещицкого дома подали широкие сани-розвальни и отвезли учителя на ближайшую станцию. Так начались его скитания в поисках пристанища и куска хлеба. Только несколько лет спустя, в 1883 году, Шолом Рабинович и его бывшая ученица снова встретились и, несмотря на противодействие отца-самодура, поженились.

В годы вынужденных скитаний Шолом Рабинович сунулся было в поисках счастья в Киев, который манил к себе широким размахом культурной жизни и просвещенностью. Но как еврей Шолом Рабинович не имел здесь права жительства и испытал на себе всю прелесть полицейских «облав». В вечном страхе перед высылкой по этапу бродил он по улицам Киева в поисках работы. Но работы не было. Какой-то подпольный адвокат, встреченный в окружном суде, увез его с собой в Белую Церковь и произвел в свои «секретари». Шолом скоро разглядел, что патрон его авантюрист и картежник. Деваться было некуда. Еврейский интеллигент в то время не мог найти применения своему труду, — у него был очень узкий круг для приложения своих сил. И Шолом Рабинович решается занять место казенного раввина в Лубнах, Полтавской губернии.

Это была очень странная и далеко не приятная должность для такого человека, как Шолом Рабинович. Казенный раввин был царским чиновником, который выписы-

вал метрики и прочие свидетельства для лиц иудейского вероисповедания и, кроме того, должен был вселять порученной ему пастве верноподданнические чувства. Молодой Рабинович решил, что не будет таким раввином. Он принимал активное участие в еврейских общественных делах, особенно заботясь о воспитании бедных детей и порицая своих сограждан за то, что они тратят большие деньги на постройку новой синагоги вместо того, чтобы строить школы и больницы. Более двух с половиной лет занимал Шолом Рабинович должность казенного раввина, снискав симпатии неимущего населения и недовольство богатой верхушки. Женившись, он поселяется в Белой Церкви. К этому времени (1883) относится начало систематической литературной работы Шолома Рабиновича, избравшего в качестве литературного псевдонима имя, приобретенное впоследствии мировую славу, — «Шолом-Алейхем».

Интерес к литературе, к искусству пробудился у него рано. Первые художественные впечатления Шолом-Алейхема надо искать в увлекательных сказках его товарища Шмулика о хрустальных дворцах и потаенных сокровищах. Был у него и другой товарищ, обладавший артистической натурой, — Мейер из Медведевки, певун и затейник, с которым они вместе устраивали театральные представления. Из Мейера потом вырос известный оперный певец — Михаил Медведев. Целые дни и вечера проводил мальчик Шолом среди местечковых певчих и музыкантов, которые приобщили его к еврейскому народному искусству. В этой среде иногда встречались подлинные народные таланты, которым впоследствии, став писателем, Шолом-Алейхем посвятил многие вдохновенные страницы своих замечательных произведений. Народное искусство жило также в так называемом «пурим-шпил», в народном театральном представлении, которое

бытовало в среде ремесленников и отражало никогда не умирающую тягу народа к радости и веселью. Мальчика тянуло всегда к народным низам, к искренности и безыскусственности их житейских отношений, к глубоко заложенному в них оптимизму. Отсюда его первые художественные впечатления, обогащенные впоследствии знакомством с произведениями художественной литературы.

Еще в детстве проявлялась способность Шолом-Алейхема к подражанию: он умел очень удачно копировать жесты и повадки окружающих. Эта черта, характерная, между прочим, для детских лет многих художников, свидетельствовала о наблюдательности мальчика и о заложенных в нем артистических наклонностях. Одним из объектов подражания была его мачеха, злая, бранившаяся без устали женщина. Первым «литературным» произведением мальчика был составленный им словарь ругательств мачехи. Словарь этот вызвал шумное одобрение окружающих, в том числе и самой мачехи, которая, скрепя сердце, вынуждена была вторить общему смеху.

Четырнадцать лет Шолом-Алейхем под влиянием писателя Мапу, написавшего на древнееврейском языке любовную историю из библейских времен, сам стал писать роман на древнееврейском языке под названием «Дочь Сиона». Пятнадцатилетним юношей он прочел «Робинзона Крузо» и тут же под влиянием прочитанного написал «Еврейского Робинзона Крузо». Первыми читателями были отец и постояльцы заезжего двора.

Познакомившись с русской литературой, Шолом стал писать по-русски. Особенно много он читал и писал по-русски во время пребывания у арендатора Лоева, владельца большой библиотеки. Шолом Рабинович, по его собственному признанию, писал целые ночи напролет,

писал большие, душу раздирающие романы, драмы, запутанные трагедии и комедии. Влюбленная ученица считала своего учителя великим мастером. Но редакции придерживались на этот счет другого мнения и не торопились с печатанием его сочинений.

Первым печатным произведением Шолома Рабиновича была корреспонденция из Переяславля, появившаяся в 1879 году (автору было тогда двадцать лет) в газете «Гацефира», печатавшей на древнееврейском языке — литературном языке еврейской интеллигенции того времени. Интеллигенция чуралась живого еврейского языка, на котором говорили народные массы.

В конце 1881 года Шолом Рабинович напечатал в другой газете — также на древнееврейском языке — вторую статью. В следующем году он напечатал еще две публицистические статьи, в которых касался вопросов воспитания, реформы хедеров, военной службы.

В 1883 году Шолом Рабинович впервые выступил в печати на еврейском народном языке — в журнале «Идишес Фолксблат», — поняв, что доступ к широким народным массам он найдет лишь тогда, когда будет писать на живом языке, а не на древнееврейском. И с этого времени Шолом-Алейхем находит свое подлинное призвание. Его имя становится все более и более популярным.

В 60-х годах прошлого столетия началось большое оживление в еврейской литературе, выросло целое демократическое течение: появились такие писатели, как Менделе Мойхер-Сфорим, Линецкий, Гольдфаден. Они выступили против эксплуатации и нищеты, против невежества и косности, против отсталости, против остатков средневековья в быту и культуре; они ратовали за просвещение, за демократизм, за новый бытовой уклад, за раскрепощение семейных отношений. Пи-

сатели эти ознаменовали эпоху в развитии еврейской литературы на живом еврейском языке народных масс. Но предстояла еще огромная работа по дальнейшему приобщению еврейской литературы к новейшим идеям передовых литератур, по формированию нового литературного языка, по созданию культурных читательских кадров. Шолом-Алейхем пришел в еврейскую литературу полный творческих сил, с живой инициативой, с благороднейшими стремлениями, выросшими на почве просветительных идей еврейской литературы и влияния великой русской литературы, которая, начиная с 20—30-х годов XIX века, стала оказывать все большее и большее влияние на развитие еврейской литературы.

3

Личная жизнь Шолом-Алейхема сложилась очень своеобразно. В 1885 году, после смерти тестя, ему досталось большое наследство. Он переехал в Киев. Вокруг новоявленного богача засуетились жулики и спекулянты. Доверчивый Шолом-Алейхем пустился в различные коммерческие операции и через короткое время лишился всего своего состояния. Он воспользовался наследством, чтобы приступить к изданию литературных сборников «Еврейской народной библиотеки». Он успел выпустить два больших тома, которые сыграли большую роль в еврейской литературной жизни. Здесь Шолом-Алейхем напечатал свои романы «Стэмпеню» и «Иосэлэ-Соловей».

Окончательно разорившись в 1890 году и спасаясь от суда, Шолом-Алейхем некоторое время странствовал за границей: был в Париже, Вене, Черновицах¹.

В 1891 году Шолом-Алейхем вернулся в Россию и по-

¹ Черновицы входили тогда в состав Австро-Венгрии.

селится в Одессе. Здесь он сблизился с крупным писателем, первым классиком еврейской литературы, оказавшим огромное влияние на развитие Шолом-Алейхема — с Менделе Мойхер-Сфоримом, в переписке с которым состоял уже в течение нескольких лет (познакомились они в 1883 году в Одессе). На последние средства Шолом-Алейхем делает попытку возобновить выпуск «Еврейской народной библиотеки», но ему удается (в 1892 году) выпустить лишь одну небольшую книжку, вернее — тетрадь, целиком им самим заполненную. Здесь, между прочим, появляется первый рассказ (серия писем) из ставшего впоследствии знаменитым цикла «Менахем-Мендэль».

В 1893 году Шолом-Алейхем вновь в Киеве. Он по-прежнему возвращается в среде торговцев и биржевых дельцов, которые послужили ему материалом для обличительной комедии «Якнегоз» (1894). Представители киевской буржуазии, без труда узнавшие себя в комических персонажах Шолом-Алейхема, добились от царской цензуры конфискации шолом-алеихемовской комедии. В том же году появляется первый рассказ второго цикла Шолом-Алейхема — «Тэвье Молочник». В 1899 году, с появлением еженедельного журнала «Дэр Юд» на еврейском языке, Шолом-Алейхем начинает еще интенсивнее работать.

Став писателем-профессионалом, Шолом-Алейхем зажил тяжелой жизнью дореволюционного еврейского литератора, зависевшего от произвола издателей и газетных редакторов; вынужденного из-за куска хлеба растрачивать свои творческие силы в непосильной газетной работе. При этом в первые годы Шолом-Алейхему все же приходится искать заработка и вне литературы.

В 1903 году Шолом-Алейхем писал своему другу, писателю М. Спектору, который один из первых, еще в

80-х годах прошлого века, оценил его замечательный талант:

«... Я должен тебе признаться, что чувствую себя как бы новорожденным, полным новыми, совершенно новыми силами. Я почти могу сказать, что только сейчас начинаю писать. До сих пор я лишь дурачился, баловался. Боюсь только, как бы, упаси боже, годы не истекли... Я полон сейчас мыслей и образов, так полон, что я, право, крепче железа, если не разлетаюсь на части, — но увы, мне приходится рыскать в поисках рубля! Сгореть бы бирже! Сгореть бы деньгам! Сгореть бы на огне евреем, если еврейский писатель не может жить одними своими писаниями и ему приходится рыскать в поисках рубля! Те, которые меня знают и видят каждый день, спрашивают меня, когда я пишу! Право, я сам не знаю. Вот так и пишу, на ходу, на бегу, сидя в чужом кабинете, в трамвае. И как раз тогда, когда мне морочат голову по поводу какого-то невырубленного леса, дорогого имения, какого-нибудь заводика, — как раз тогда вырастают прекрасные образы и складываются лучшие мысли, а нельзя оторваться ни на одно мгновение, чтобы все это запечатлеть на бумаге, — сгореть бы всем коммерческим делам! Сгореть бы всему миру! А тут приходит жена и говорит о квартирной плате, о деньгах за право учения в гимназии; мясник — джентельмен, он согласен ждать; лавочник зато подлец — он отказывается давать в кредит; адвокат грозит описать стулья (глупец! он не знает, что они уже давно описаны...)»...

В таких условиях протекала жизнь Шолом-Алейхема. Между тем к этому времени он достиг большой славы и популярности. Его имя известно уже не только в еврейской среде. А. М. Горький, всегда проявлявший интерес к литературам народов, населявших Россию, вступил с ним в переговоры об издании на русском языке под ре-

дакцией Шолом-Алейхема сборника произведений еврейских писателей. Сборник должен был выйти в издании товарищества «Знание», и Шолом-Алейхем деятельно взялся за работу. Однако осуществлению издания помешали обстоятельства.

Кишиневский еврейский погром 1903 года с сотнями человеческих жертв взбудоражил и возмутил все передовое общество России. Лучшие русские писатели и публицисты того времени выступили с энергичным протестом против зверств погромщиков. Шолом-Алейхем обратился с письмами к Льву Толстому, Короленко, Чехову и Горькому и просил их принять участие в сборнике на еврейском языке в помощь пострадавшим от погрома (сборник вышел под названием «Помощь»). Писатели горячо откликнулись на призыв. Лев Толстой в ответном письме к Шолом-Алейхему писал, что виновником кишиневских ужасов, как и всей искусственно насаждаемой национальной розни, является лишь царское правительство, а не народ.

В 1904 году Шолом-Алейхем поехал в Петербург хлопотать о разрешении издавать ежедневную газету на еврейском языке (эти хлопоты не увенчались успехом). Там он познакомился с А. Куприным, Л. Андреевым. Здесь же он, наконец, осуществил свое давнишнее желание встретиться с А. М. Горьким. Впечатление от знакомства с Горьким было огромное.

Вот что писал Шолом-Алейхем из Петербурга в ноябре 1904 года.

«Пишу Вам всем под свежим впечатлением моего первого посещения кумира наших дней, властителя дум — Максима Горького. Он меня принял чисто товарищески. Тотчас после первых слов, оглядев меня с головы до ног, он пригласил меня в столовую к чаю. И пошла у нас беседа о делах литературы, общей и

еврейской, и, правдо, я не успел даже оглянуться, как прошел час (от 11 до 12). Он просил заходить к нему совсем запросто. Сам взялся познакомить меня с лучшими представителями печати — словом, был приветлив...»

Шолом-Алейхем навсегда сохранил чувство глубочайшей привязанности к А. М. Горькому и преклонение перед его дарованием и личностью. В уста одной из дочерей Тэвье Молочника он вложил следующие слова о Горьком: «Горький нынче почти первый человек в мире». В 1910 году, вскоре после появления русского перевода прекрасной повести Шолом-Алейхема «Мальчик Мотл», А. М. Горький приветствовал еврейского писателя своим известным письмом, в котором во весь голос прозвучало признание чудесного таланта Шолом-Алейхема. Горький неизменно интересовался его литературной работой и жизнью. «Как поживает господин Алейхем?»—был первый вопрос Горького, когда он встречал человека, который ему мог рассказать о Шолом-Алейхеме (Горький, называя его «господином Алейхем», не знал тогда, что Шолом-Алейхем—псевдоним). Эту привязанность и добрую память великий русский писатель сохранил до конца своих дней: он помянул его на первом съезде советских писателей, назвав его «исключительно талантливым сатириком и юмористом».

Весь период первой русской революции 1905 года связан для Шолом-Алейхема с повышенным вниманием к революционным событиям и к образам революционеров. Революционный подъем в стране нашел отражение в целом ряде рассказов Шолом-Алейхема и в его романе «Потоп» (1907). Несмотря на наступившую после поражения революции политическую реакцию и на ряд испытаний, которые ему пришлось пережить, Шолом-Алейхем сохранил глубокую веру в то, что его родная страна и

все ее народы доживут до светлых дней освобождения. «Я уверен, — писал Шолом-Алейхем из Женевы в 1908 году, — что течение жизни и симптомы, которые я вижу в нашей стране, являются хорошими симптомами для нас, являются ясными доказательствами, что скоро над нами засияет солнце».

К 1905 году относится активная деятельность Шолом-Алейхема в области драматургии. И здесь он стремился к художественной правде и простоте, которые были ведущими началами всей его литературной работы.

В октябре 1905 года Шолом-Алейхем вместе с семьей пережил ужасы еврейского погрома в Киеве. Царское самодержавие неистовствовало, мстя за революцию. Шолом-Алейхему приходилось не раз сталкиваться с царской цензурой, которая чуяла в его произведениях «крамолу». Жандармское управление завело даже целое «дело» о Шолом-Алейхеме в связи с его перепиской с русскими писателями по поводу издания сборника в пользу пострадавших от погрома. Шолом-Алейхем на время выехал за границу.

После долгих странствований по Европе Шолом-Алейхем осенью 1906 года приехал в Нью-Йорк. Но его тянуло домой, на родину, к тем народным массам, о которых и для которых он писал, и вскоре он покидает Америку. Летом 1908 года он совершает большую поездку по городам и местечкам России с многочисленным еврейским населением. Всюду его радостно встречают. Но во время этой триумфальной поездки он внезапно заболевает — у него обнаруживается острый туберкулезный процесс в легких. Болезнь застала его в Барановичах. Около двух месяцев Шолом-Алейхем был прикован к постели. В течение этого времени взоры сотен тысяч его читателей были обращены к маленькому городку, где любимый писатель боролся с призраком

Шолом-Алейхем в 1909 г.

смерти. Оправившись от болезни, Шолом-Алейхем по совету врачей отправился в Италию.

В том же году, поздней осенью, состоялось празднование 25-летнего юбилея литературной деятельности Шолом-Алейхема. А юбиляр, больной, одинокий, без средств к существованию, вдали от родины и своего народа, писал письма, полные горечи.

К этому времени Шолом-Алейхем был уже знаменитым писателем, он пользовался большой любовью в широчайших массах еврейского народа, имя его гремело и далеко за пределами еврейской среды. Однако приобретенная Шолом-Алейхемом огромная слава не избавила его от постоянной нужды. В связи с юбилеем в периодической печати был открыт сбор пожертвований, которые потекли со всех концов страны. Народ нес свои трудовые копейки, чтобы помочь любимому писателю. Другого пути тогда не было: царское правительство не только не заботилось о народных писателях, — оно их преследовало, потому что их слово штурмовало твердыни самодержавия и произвола. Юбилейный комитет на собранные пожертвования «выкупил» в 1909 году произведения Шолом-Алейхема у частных предпринимателей. Ему вернули права на его собственные произведения. В этом же году в московском издательстве «Современные проблемы» стало выходить на русском языке собрание сочинений Шолом-Алейхема, очень тепло встреченное русской критикой. Мы уже упоминали, что перевод его произведений горячо приветствовал А. М. Горький.

Болезнь заставляла Шолом-Алейхема искать себе убежища под животворящим солнцем южных стран. Однако его все время с непреодолимой силой тянуло домой, в Россию. Весной 1914 года Шолом-Алейхем вновь совершил поездку по городам России, вы-

ступая с чтением своих произведений. Еврейские массы и на этот раз с радостью и энтузиазмом встречали и провожали любимого писателя. Во время этой поездки состоялась встреча Шолом-Алейхема с другим классиком еврейской литературы—И. Л. Перецом, способствовавшая сближению этих двух совершенно различных по темпераменту и художественным устремлениям писателей.

Мировая империалистическая война застала Шолом-Алейхема на курорте в Германии. Вместе с другими русскими подданными он был выслан в Берлин, откуда ему удалось уехать с семьей в нейтральную Данию. Больной, без средств к существованию, он провел здесь несколько тяжелых месяцев. В конце 1914 года Шолом-Алейхем приехал в Нью-Йорк. Тоска по родине не покидала его; он рассчитывал сейчас же по окончании войны, с первым пароходом уехать в Россию. Но болезнь подточила ослабевший организм. Шолом-Алейхем умер в возрасте пятидесяти семи лет в Нью-Йорке 13 мая 1916 года. За гробом его шли сотни тысяч людей.

В завещании Шолом-Алейхем писал: «Где бы я ни умер, пусть меня похоронят не среди аристократов, знати и богачей, но среди простых рабочих, с подлинным народом, дабы памятник, который потом будет воздвигнут на моей могиле, украшал простые могилы вокруг меня, а простые могилы дабы украшали мой памятник, как простой честный народ при моей жизни украшал своего народного писателя». В этих словах завещания великого писателя прекрасно выражена его близость с народом.

4

Писатель не всегда сразу находит себя. Шолом-Алейхем без особенного успеха пробовал свои силы в области

поэзии, хотя несколько его стихотворений вошло в еврейский фольклор и пелись как народные песни. В стихотворных произведениях Шолом-Алейхема, в их идейной настроенности и в ритмическом рисунке чувствуется порой влияние Некрасова. Из стихотворений Шолом-Алейхема отметим сатирическую поэму «Еврейские чиновники» (1884), в которой автор обрушивается на заправил и чиновников еврейской общины, выжимавших последние соки из бедняков. В годы первой революции 1905 года была популярна сатирическая песня Шолом-Алейхема «Спи, Олекса», направленная против царя Николая II и его наследника.

Несравненно большее значение имели критические выступления Шолом-Алейхема, относящиеся к 80-м годам прошлого столетия. В 1883 году Шолом-Алейхем выпустил книжку под названием «Суд над Шомером». Шомер был автором большого количества бульварных романов, пользовавшихся тогда популярностью как в тугой мещанской среде, у разбогатевших выскочек, так и в среде отсталых «низов»: приказчиков, кухарок и т. д., которых Шомер убаюкивал своими выдуманными историями о счастливых превращениях слуг в лордов и князей. Шолом-Алейхем объявил поход против этой наводнившей к тому времени еврейскую литературу бульварщины, прививавшей народным массам низменные вкусы и отрывавшей их от реальной действительности. В противовес бульварным романам Шомера и его сподвижников Шолом-Алейхем выдвигал произведения подлинных писателей — Менделе Мойхер-Сфорима, Линецкого, Гольдфадена и других, изображавших действительную жизнь народа и звавших его на борьбу за лучшее будущее против косности и фанатизма.

Шолом-Алейхем особенно подчеркивал тему нищеты еврейских масс в произведениях лучших еврейских пи-

сателей (у него есть специальная статья, относящаяся приблизительно к тому же времени, о том, какое отражение нашла эта тема в еврейской литературе) — подчеркивал потому, что он видел в этом защиту подлинных интересов народа. В критических статьях Шолом-Алейхем выступал как поборник правдивой, реалистической литературы, которая борется за народные интересы. В критических работах 80-х годов Шолом-Алейхем развивал продуманную и обоснованную программу подлинно-народной литературы. Он осуществлял эту программу в своих художественных произведениях, следуя лучшим традициям своих предшественников-просветителей: Менделе Мойхер-Сфорима, Линецкого и других.

Свое подлинное призвание Шолом-Алейхем нашел в художественной прозе, преимущественно в области рассказа. В творчестве Шолом-Алейхема нашла художественное воплощение жизнь еврейского народа в бесконечно тяжелый для его существования период под гнетом царского произвола, капиталистической эксплуатации и национального бесправия. Период жизни, отраженный в произведениях Шолом-Алейхема, тянется от 70—80-х годов прошлого столетия, когда в стране восторжествовали новые, капиталистические отношения, до первой мировой империалистической войны. Писатель с чрезвычайной чуткостью откликался на все важнейшие общественные явления этого времени, с особенно глубоким вниманием он относился к событиям, относящимся к русской революции 1905 года.

Литературный псевдоним Шолом-Алейхема весьма показателен и характерен. «Шолом-Алейхем» — обычное еврейское приветствие «мир вам». В самом псевдониме сказалась близость писателя к народным массам, к их быту, к их страданиям и надеждам. И еврейские народные массы встретили Шолом-Алейхема как близкого

родного человека, с которым можно и посмеяться и поделиться своими горестями.

Шолом-Алейхем стал определяться как писатель в 80-х годах прошлого столетия, в годы жестокой политической реакции в России, вскоре после организованных царским правительством еврейских погромов, прокатившихся волной по городам с еврейским населением. В жизни еврейских народных масс, загнанных царским правительством в несколько губерний, в так называемую «черту оседлости», которую они не имели права переступить, происходили важные социальные сдвиги. Предшественник Шолом-Алейхема, первый классик еврейской литературы, Менделе Мойхер-Сфорим, дал замечательное изображение старого еврейского быта, еще в первой половине XIX века сохранившего феодально-средневековые устои. Под напором развивающегося капитализма эти устои рухнули. Новые капиталистические отношения докатились и до старого еврейского местечка. Оно зашевелилось, его обитатели стали искать себе места в новом социально-экономическом укладе жизни. Этот болезненный процесс разрушения старого и перехода к новым капиталистическим условиям с огромной силой изобразил Шолом-Алейхем.

Среди его значительнейших произведений следует в первую очередь назвать циклы рассказов, посвященных его основным персонажам — Менахем-Мендэль и Тэвье Молочник. Над этими циклами Шолом-Алейхем начал работать еще в 90-х годах, возвращаясь к ним на протяжении всей жизни.

Из крохотного еврейского местечка, жившего замкнутой жизнью нищенского муравейника, Менахем-Мендэль попадает в капиталистический мир. С лихорадочной суетливостью он пытается приспособиться к новым отношениям, к новым формам быта. У него нет чувства

реальной почвы под ногами, нет ни тех трудовых навыков, которые нужны для того, чтобы стать пролетарием, ни той хватки, которая необходима, чтобы стать биржевым воротилой. В течение столетий, в силу целого ряда исторических причин, в определенных слоях еврейской среды вырабатывались оторванность от реальной действительности, склонность к фантастическим, абстрактным мечтаниям. Еще предшественники Шолом-Алейхема в еврейской литературе (особенно Менделе Мойхер-Сфорим) изображали таких оторванных от жизни и действительности мечтателей-фантастов. Но те жили в мире грез и представлений средневековой культуры, давно уже устаревшей и отжившей (например, Вениамин в известном произведении Менделе Мойхер-Сфорима «Путешествие Вениамина третьего»). Менахем-Мендэль пытается подойти с унаследованными от прошлого мерками и навыками к новой капиталистической действительности. И естественно, что при первой же встрече с этой суровой действительностью он терпит жестокое поражение.

Он строит бессмысленные проекты, один фантастичнее другого, бросается от одной профессии к другой. Пускается в биржевые авантюры и коммерческие спекуляции, становится сватом, маклером-посредником, страховым агентом, пробует свои силы в ремесле писателя. Всюду и во всем Менахем-Мендэля ждет неудача, потому что «все, что построено на воздухе и на ветре, должно в конце-концов пасть» (из предисловия Шолом-Алейхема ко 2-му изданию «Менахем-Мендэля»). Даже когда Менахем-Мендэль берется за сватовство, то оказывается, что он сватает двух девиц. Если бы он торговал саванами, вероятно, перевелись бы покойники.

Настоящей механики того огромного шумного капиталистического мира, куда попал Менахем-Мендэль,

он по существу не понимает, он улавливает только внешние черты суеты и движения. Ему кажется, что он вместе со всеми движется к какой-то новой жизни. Но это — самообман. Менахем-Мендэль — типичный «человек воздуха», каких во множестве породила еврейская среда в результате неимоверной нищеты и тяжелого гнета. Время это создавало не только паразитизм эксплуатации, но и паразитизм другого рода — паразитизм нищенского существования, основанный на невозможности применить свой труд, на отсутствии трудовых навыков. «Люди воздуха» типа Менахем-Мендэля плодились в среде мелкой буржуазии.

Совсем другие черты воплощает в себе любимый герой Шолом-Алейхема — Тэвье Молочник. Это — человек из народа, выросший в труде. Правда, его представления о жизни глубоко патриархальны, он сросся со старым укладом. Жизнь, вечно движущаяся, всегда идущая вперед, посылает ему одно испытание за другим. Новая жизнь врывается к Тэвье через его дочерей, у которых уже иные взгляды на жизнь.

Старшая дочь Цейтл не соглашается выйти замуж за богатого мясника, которого ей сватают. Она выходит замуж за бедняка-портного, который ей пришелся по сердцу. Другая дочь Годл полюбила революционера Перчика, которого царское правительство ссылает в Сибирь. Третья дочь Хава выходит замуж не за еврея, нарушая этим старые национально-религиозные предрассудки, которые воздвигали стену между людьми разных наций.

Дочери Тэвье Молочника вовлекаются в водоворот новой жизни, не всегда ему понятной. Они поступают не так, как поступали отцы и деды; они порывают со старым и идут навстречу новому, которое пугает Тэвье своей новизной и необычностью. Но он находит в себе

Достаточно силы, чтобы, если не до конца понять всё то, что происходит на его глазах, то по крайней мере как-то его принять если не сознательно, то инстинктивно. Выросший в старом быту, проникнутый его предрассудками, Тэвье тем не менее оказывается на стороне дочери, последовавшей за мужем-революционером в ссылку в далекую Сибирь. Здесь в Тэвье находит выражение здоровая природа трудового человека, глубоко связанного с народом.

Тэвье Молочнику трудно расставаться с любимыми дочерьми. Семейные несчастья подтачивают здоровье его жены Голды, бесконечно ему преданной, и та умирает. А тут еще Тэвье приходится оставить насиженное гнездо, потому что из губернии, на основании царского закона о том, что евреям запрещено проживать в сельских местностях, пришел приказ о выселении. Десятки лет жил здесь Тэвье, до него здесь жили его отец и дед, жили в полном согласии с крестьянами, несмотря на все попытки царского правительства посеять национальную рознь. Но по произволу царских сатрапов Тэвье пришлось покинуть родной дом.

Все эти несчастья и напасти не сломили дух Тэвье. Крепка в нем глубоко заложенная сила человека из народа и так же крепка вера в победу правой силы. Он по-своему выражает протест против несправедливого социального строя. Мы чувствуем, что Тэвье докопается до правды, поймет, кто его враги и что надо сделать, чтобы жизнь стала справедливой и счастливой.

Менахем-Мендэль и Тэвье Молочник принадлежат к основным образам Шолом-Алейхема. Нетрудно заметить, что эти два типа противопоставлены друг другу как в социальном, так и в психологическом отношении: с одной стороны — «человек воздуха», с другой стороны — простодушный труженик. Сам Шолом-Алейхем в

ряде высказываний подчеркивал свою особенную любовь к Тэвье Молочнику как носителю его, Шолом-Алейхема, идеальных устремлений.

Автор, конечно, видит не только смешные стороны своего Менахем-Мендэля. В его конвульсивных поисках мнимого «счастья» в капиталистической действительности писатель видит и трагическую обреченность. Большой печалью веет от слов Менахем-Мендэля, обращенных к жене: «Сотворил бы господь бог со мной чудо: хоть бы на меня разбойники напали и убили, или так бы мне помереть, идя по улице, потому что, дорогая моя супруга, я уж не могу больше всего этого переносить». В отношении Шолом-Алейхема к Менахем-Мендэлю есть что-то родственное с отношением великого испанца Сервантеса к «рыцарю печального образа» Дон-Кихоту: смешное и трагическое сплетаются здесь в один неразрывный узел. Но сквозь черты сожаления и сочувствия, вызываемых трагической участью Менахем-Мендэля, проступает основное в отношении писателя к нему — отрицание. Шолом-Алейхем отрицает самую категорию «человека воздуха» как категорию фантастическую, как нездоровый призрак, и противопоставляет как положительный тезис, как утверждающее начало Тэвье Молочника, который, несмотря на все свои предрассудки, прочно и неразрывно связан с трудовой народной стихией, с землей, на которой он вырос и на которой он трудится.

5

Юмор дает Шолом-Алейхему возможность обнаружить все смешные стороны той жизни, которую живописует, но в юморе Шолом-Алейхема заложена и большая печаль, сочувствие к людям. Великий писатель знает, что люди, над которыми он смеется, часто «без

вины виноваты». Смешными их сделала убогая и бесправная жизнь.

Вот перед нами голодный мечтатель, у которого нет гроша за душой: учитель хедера — меламед, занимающий самую низкую ступень в иерархии этой группы бедняков. Он мечтает о том, как, став миллионером Ротшильдом, он прекратил бы братоубийственные войны и уничтожил бы деньги, от которых берется все зло. Но печальная действительность прерывает его мечтания вопросом: где взять деньги на субботу!

Нищета еврейских народных масс в царской России принимала фантастические формы. Это признал даже царский министр Плеве, которого трудно было заподозрить в симпатии к евреям. Шолом-Алейхем дает в целом ряде своих рассказов картину этой нищеты, углубленной невероятной конкуренцией. Подлинным гротеском является рассказ «Конкуренты». Действующие лица рассказа муж и жена в погоне за покупателем следуют друг за другом по пятам, отбивая друг у друга кусок хлеба.

Не находя во времена царизма возможности работать на родине, некоторые слои еврейских народных масс вынуждены были искать выхода в эмиграции в Америку.

Америка, казавшаяся издали землей обетованной и сулившая бедняку золотые горы, на близком расстоянии оборачивалась совсем другой стороной. Во многих произведениях Шолом-Алейхем рисует мытарства еврейских эмигрантов, гонимых с родины нищетой и царским произволом.

Шолом-Алейхем не сатирик в собственном смысле этого слова. Он — юморист, один из величайших юмористов в мировой литературе. Как у подлинно народного писателя, воплотившего в своих замечательных произведениях испытанную столетиями народную мудрость;

у него ярко выражены общественные симпатии и антипатии. Он всегда на стороне широких народных масс. Смех у Шолом-Алейхема перемежается слезами именно потому, что он видит трагическую участь народных масс в условиях эксплуатации и гнета.

Но он находил очень злые слова для того, чтобы непосредственно заклеймить те «верхние десять тысяч», которые страдают от ожирения, нажитого за счет трудового пота и мук народа. Писателя никогда не покидало чувство брезгливого презрения к буржуазии, к плутократии. Еще в 80-х годах прошлого столетия, в начале своего литературного пути, Шолом-Алейхем выступил с сатирическим романом «Сэндер Бланк», направленным против еврейских Кит КИтычей. В 90-х годах Шолом-Алейхем написал комедию «Якнегоз», резко обличающую биржевых дельцов. С презрением говорят всегда о «богатеях» и любимый герой Шолом-Алейхема — Тэвье Молочник, и потомственный член портняжного цеха, герой комедии «Большой выигрыш» — Шимелэ Сорокер, и другие персонажи его произведений. Шолом-Алейхем сумел показать отвратительное лицо «человека из Буэнос-Айреса», торгующего живым товаром, и сорвать с него маску.

Он не раз выступал с сатирическими рассказами против царского режима. Очень солоно приходилось и господа богу от внешне добродушных шуток Тэвье Молочника, который, прикрываясь своим недостаточным знанием священного писания, часто толковал священные тексты в весьма неприятном для господа бога направлении.

У Шолом-Алейхема есть целый цикл рассказов, посвященных «маленьким людям с маленькими желаниями». Действие этих рассказов разыгрывается в затхлых уличках Касриловки (такое обобщающее название носит

старое еврейское местечко). Представления обитателей Касриловки о большом мире до нельзя наивны и смешны. При этом касриловцы себя считают солью земли.

Живут здесь знаменитые бедняки, великие мастера голодать. Автор рассказывает об одном касриловце, которому надоело голодать в Касриловке и он пустился по белому свету искать счастья. Во время своих исканий он попал в Париж к знаменитому миллионеру Ротшильду. Он предложил миллионеру такой товар, о котором тот сроду не слыхивал, — вечную жизнь. Сторговались за три сотни. Тогда касриловец говорит Ротшильду: «Ежели вы хотите вечно жить, мой совет — бросьте этот суетливый Париж и перебирайтесь лучше к нам в Касриловку. Вы никогда не умрете, потому что со дня основания Касриловки у нас еще ни один богач не умирал...»

Шолом-Алейхем знает причины возникновения и существования Касриловки. Касриловка, говорит он, — «находится как раз в середине благословенной «черты оседлости», куда посадили евреев голова к голове, как сельдей в бочку, и наказали им, чтобы они плодились и размножались...» И жалкую Касриловку, и печального фантаста Менахем-Мендэля породил проклятый общественный строй, основанный на эксплуатации человека человеком. В шолом-алеихемовском «смехе сквозь слезы» звучит горькое обвинение этому строю, искажающему человеческую жизнь.

Шолом-Алейхем сам не был революционером в собственном смысле слова и не знал, как сделать окружающую его убогую жизнь счастливой. Но он навеки запечатлел смешную и жалкую жизнь «маленького человека», показав всему миру, что так жить нельзя. Симпатии писателя были всегда на стороне угнетенных и трудя-

щихся, с презрением и ненавистью относился он к буржуазии, с любовью рисуя обездоленных.

Как и другие великие юмористы, Шолом-Алейхем с большим вниманием и любовью относился к детям, охотно обращался в своих произведениях к их радостям и печалям. Книга «Мальчик Мотл» принадлежит к лучшим его произведениям. Писатель изображает нищую жизнь, полную горя и лишений, поиски счастья в чужих странах — все это в преломлении детского сознания. «Мне хорошо — я сирота» — говорит мальчик. Его устами говорит сам великий юморист: ведь и ему приходилось смеяться над жизнью, полной горя и страданий.

Детское сознание еще не искажено, не искалечено тлетворным влиянием капиталистического общества. Душа ребенка широко открывается навстречу красоте жизни, солнцу, весенней радости. Шолом-Алейхем верил в могучие силы народа, а в детской душе великий писатель видел его прообраз, видел предвестника будущей силы. В детских рассказах с громадной силой проявился его замечательный, сердечный лиризм.

Так называемые рассказы для детей Шолом-Алейхе-ма очень разнообразны по своим мотивам. С лирической теплотой изображает автор пробуждение чувства детской любви («Песнь Песней», отдельные страницы в повести о мальчике Мотл). Он рассказывает о том, как скованный старым укладом жизни еврейский мальчик рвался из затхлого хедера на вольный простор, как лукавый нашептывал ему о «греховных» прелестях земной жизни, о свободе, о красоте природы, о красоте искусства («На скрипке»). С особенной силой Шолом-Алейхем подчеркивает постоянное влечение ребенка к народной массе («У царя Агасфера»). В общении с ней ребенок обретает подлинную радость, и тут же он обучается

первым слогам классовой грамоты, учится распознавать друзей и врагов.

Излюбленной литературной формой Шолом-Алейхе-ма является монолог: герои, которых капиталистические условия не допускают к плодотворной, целеустремленной деятельности, всю свою энергию вкладывают в слово. Бесконечным потоком речи они как бы пытались «заговорить» незадачливую жизнь.

Шолом-Алейхем является по преимуществу мастером новеллы, рассказа (отметим, в частности, его замечательные «Железнодорожные истории», известные также под названием «Записки коммивояжера»). Но перу Шолом-Алейхе-ма принадлежит также ряд романов. Три из них («Сэндэр Бланк», «Стэмпеню» и «Иосэлэ Соловей») написаны еще в 80-х годах. Роман «Сэндэр Бланк», направленный против плутократии, окрашен в сатирические тона. «Стэмпеню» и «Иосэлэ Соловей» проникнуты романтическим настроением. Из этих ранних романов особенной ценностью отличается «Стэмпеню», в котором тема закрепощенной женщины, навеянная «Грозой» Островского, переплетается с темой народных талантов-самородков, таящихся в народной гуще. В центре романа «Иосэлэ Соловей» также народный талант-самородок — певец Иосэлэ.

К романам о народных талантах примыкают позднее написанные «Блуждающие звезды» (1909—1911); действие этого романа связано с жизнью и бытом много-страдального еврейского актера.

Шолом-Алейхем написал еще «Потоп» (1907) и «Кровавую шутку» (1912). Первый роман посвящен революции 1905 года; второй, — написанный под впечатлением чудовищного судебного процесса над евреем Бейлисом, обвиненным царским правительством в совершении ритуального убийства, — показывает бесправие еврейского

народа во времена царизма. В двух последних романах много интересных страниц, метких наблюдений, бытового материала, но все же на них лежит печать газетной спешки и торопливости.

К жанру романа следует отнести и последнее крупное произведение «С ярмарки» — произведение, которое Шолом-Алейхем писал в самые последние годы своей жизни и считал своей «Книгой книг». Это — повесть о себе, о своем детстве, о своем отрочестве и юности, о вступлении в жизнь, написанная на широком фоне еврейского быта того времени. Это — замечательная книга, поражающая пластичностью образов, задушевым лиризмом, живописанием природы, — книга, в которой мастерство писателя выступает во всем богатстве и многообразии зрелости.

Особое место занимает в творчестве Шолом-Алейхема драматургия. Он писал и небольшие одноактные пьесы, как «Мазлтов» («Поздравление»), «Люди», в какой-то мере соответствующие его новеллистическому жанру, и многоактные драматические произведения («Разброд», «Большой выигрыш» и др.). Драматургия Шолом-Алейхема, впитавшая, с одной стороны, лучшие реалистические традиции его предшественников в еврейской литературе и, с другой стороны, находившаяся под сильным воздействием Чехова и Горького, внесла революционизирующее начало в развитие еврейского театра. Она внесла в театр яркую струю жизни, создала живые характеры и образы, внесла актуальные темы и мотивы, почерпнутые из окружающей действительности. И в области драматургического творчества Шолом-Алейхем остается реалистом, гуманистом, народным писателем. Следует подчеркнуть, что еврейский театр обращается не только к тем произведениям Шолом-Алейхема, которые им непосредственно написаны в драматической

форме, но и ко всему наследию великого писателя, потому что очень многие его произведения насыщены драматическим материалом, который словно ждет сценического воплощения. Так вырос целый ряд инсценировок шолом-алеихемовских произведений.

Читая юмористические истории Шолом-Алейхема, прежде всего смеешься вместе с писателем. Их огромный социальный смысл лежит не на поверхности, его надо искать глубже, тем более что Шолом-Алейхем принадлежит к той категории писателей, у которых—как, например, у Бальзака, у Гоголя,— содержание художественных образов значительно шире их общественно-политического мировоззрения. В общественно-политическом отношении Шолом-Алейхем иногда сам разделял предрассудки и шатания мелкобуржуазной интеллигенции. Но в своих художественных воплощениях он свободен от этих оков.

Большой заслугой еврейской советской критики является то, что она под поверхностью смешных историй Шолом-Алейхема увидела, обнаружила глубокое социальное значение его творчества. Огромную помощь оказал в этом отношении Московский государственный еврейский театр своей социально-художественной интерпретацией произведений Шолом-Алейхема. Вершин художественного мастерства достиг замечательный актер этого театра, народный артист СССР С. Михозлс. Он сумел обнаружить в творчестве Шолом-Алейхема весь глубокий трагизм обреченного уклада жизни и воплощенное в шолом-алеихемовском искрящемся слове бессмертие народа.

В творчестве писателя заложен глубокий социальный смысл. Шолом-Алейхем отразил в своих образах не только национальное своеобразие народа. Его Тэвье Молочник займет свое место в мировой художественной

галлерее людей из народа рядом с такими образами, как, например, Кола Брюньон Ромэн Роллана. Его замечательные детские персонажи останутся в памяти человечества наряду с детскими образами Диккенса, Твена, Чехова. Замечательной силы художественного обобщения Шолом-Алейхем достиг в образе Менахем-Мендэля, который при всем своем национальном своеобразии перерастает узко-национальные границы. В этом образе Шолом-Алейхем воплотил весь общественный трагизм огромных масс мелкой и мельчайшей буржуазии, тщетно пытающихся найти для себя местечко под солнцем в капиталистическом мире, приспособиться к капитализму, безжалостно их размалывающему. И подобно тому как Гобсек Бальзака является художественным синонимом для обозначения власти денег, так шолом-алейхемовский Менахем-Мендэль (в социальном разрезе совершенно не схожий с Гобсеком) входит в наше сознание, как художественное подтверждение марксистского тезиса о трагической обреченности мелкой буржуазии в условиях капитализма. Как действительно великий художник Шолом-Алейхем умел по-своему видеть и воплощать социальные процессы своего времени.

С первых шагов в литературе Шолом-Алейхем выступил как поборник правдивой, реалистической, подлинно народной литературы. Эту программу он осуществлял на протяжении всей своей литературной деятельности. Ему органически чужды были те «выверты», которые характерны для декаданса и всяких видов литературного «модернизма», заполнивших в то время литературу, особенно в годы реакции. Шолом-Алейхем, с первых своих литературных шагов находившийся под сильным влиянием великих русских реалистов, призывал учиться у Льва Толстого и у Чехова простоте и подлинной правдивости. Это постоянное стремление к простоте

и правдивости является лучшим заветом для нашей советской литературы.

Переводить Шолом-Алейхема на другие языки очень трудно, как трудно переводить Диккенса, Гоголя, других юмористов, потому что юмор в большой мере строится на слове, на специфическом своеобразии родной речи. В переводе Шолом-Алейхем всегда теряет. Творчество Шолом-Алейхема приобрело всеобщее признание и любовь.

С большой любовью говорил всегда о Шолом-Алейхеме великий пролетарский писатель А. М. Горький. В 1910 году, прочитав повесть о мальчике Мотл, Горький писал Шолом-Алейхему:

«Искренне уважаемый брат!

Книгу Вашу получил, прочитал, смеялся и плакал — чудесная книга! Перевод, мне кажется, сделан умело и с любовью к автору, хотя местами чувствуется, что на русском языке трудно передать печальный и сердечный юмор оригинала. Я говорю — чувствуется.

Книга мне сильно нравится — еще раз скажу — превосходная книга!

Вся она искрится такой славной, добротной и мудрой любовью к народу, а это чувство так редко в наши дни.

Крепко жму руку

Капри, 21/IV 1910 г.»

М. Горький

Горький был прав, когда писал о «мудрой любви к народу», которая пронизывает все творчество Шолом-Алейхема, этого подлинно народного писателя. Рисуя печальную жизнь угнетенных еврейских народных масс, которых по словам «самого счастливого человека в Кодне», одного из персонажей Шолом-Алейхема, господь бог избавил от двух вещей: от куска хлеба и воздуха, — Шолом-Алейхем неизменно верил в торжество на-

родного дела. Без шутки, перемешанной с горечью, Шолом-Алейхем, создавший прекрасные образы «веселых бедняков», никогда не обходился. С этой же горькой шуткой он говорил о своих персонажах — ремесленниках, которым приходится «стоять на ногах от рассвета до поздней ночи» и влачить жалкое, подневольное существование, «пока не наступит то счастливое время, о котором говорили Карл Маркс, Август Бебель и все добрые, умные люди». Вера в счастливое будущее, неизменный оптимизм, который всегда коренится в глубине народных масс, проникают и воодушевляют творчество великого еврейского писателя.

Оптимизм этот исторически оправдался.

После поражения первой русской революции 1905 года, когда черносотенная нечисть опять выползла из всех щелей и пошла громить революционеров, один из шолом-алеихемовских персонажей на своем простодушном и своеобразном языке, густо пересыпанном шуткой, выразил мысль, которая оказалась пророческой. Мысль эта заключалась в том, что враги просчитаются, что придет время и Россия получит замечательную конституцию.

Тысячелетняя история еврейского народа полна трагических испытаний, полна скитаний, полна крови и мук. Трагедия народа проявилась с новой, невиданной силой в дни тяжелых испытаний, когда немецкий фашизм в захваченных им городах и местечках обрушился на безоружное население.

Тяжелое прошлое, порождавшее трагикомических героев Шолом-Алейхема, навсегда разрушено в той части мира, которая носит прекрасное и гордое имя: СССР. В проклятое царское время Россия была тюрьмой народов. Еврейский народ, как и многие другие населявшие Россию народы, подвергался преследованиям. Основные массы народа жили в нищете. Великая Октябрьская

Социалистическая революция раскрепостила все народы России. Вместе с другими народами многонационального великого Союза Советских Социалистических республик евреи строят свободную социалистическую жизнь. Порождение старого мрачного времени — «человек воздуха», гениально изображенный Шолом-Алейхемом, исчез у нас с лица земли вместе с другими призраками прошлого.

Только в СССР еврейский народ вместе с другими народами первой в мире социалистической страны обрел родину-мать. И вместе со своим народом обрел здесь родину великий писатель Шолом-Алейхем. Нигде так не читают и не любят Шолом-Алейхема, как в СССР. За годы Советской власти его книги вышли на многих языках в миллионах экземпляров. Тиражи книг Шолом-Алейхема, переводы его произведений на языки братских народов, библиотечные статистические цифры убедительно говорят о том, что Шолом-Алейхем принадлежит к любимым писателям советского читателя¹. Освобожденные народы СССР берегут и чтут память великих людей, которые своим творчеством в тяжчайших условиях прошлого служили народу и подготавливали приход нынешней свободной и счастливой жизни в нашей социалистической стране.

¹ С 1893 г. по 1916 г. в России произведения Шолом-Алейхема на еврейском и русском языках вышли общим тиражом в 222 тысячи экземпляров. А с 1917 г. по 1945 г. общий тираж его произведений на еврейском, русском и других языках народов СССР составляет 4.174 тысячи экземпляров. — Р е д.

1 руб.